

MISCELLANEOUS:
СООБЩЕНИЯ, ДИСКУССИИ, РЕЦЕНЗИИ
MISCELLANEOUS:
MESSAGES, DISCUSSIONS, REVIEWS

УДК 93/94

DOI: 10.18413/2408-932X-2021-7-4-0-12

Пенской В. В.	От Московского царства к Российской империи: разрыв или преемственность? Новое исследование по русской истории раннего Нового времени Kollmann N. Sh. The Russian Empire, 1450–1801. N.-Y.: Oxford University Press, 2017. XIV, 497 p.
---------------	---

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
ул. Победы, 85, г. Белгород, 308015, Россия; penskoy@bsu.edu.ru

Аннотация. Анализируя историческую литературу, посвященную России раннего Нового времени (конца XV – конца XVIII вв.), нетрудно заметить, что наметившаяся несколько десятилетий назад тенденция пересмотра, казалось бы, устоявшихся оценок и интерпретаций не только не приостановилась, но продолжает развиваться. Новое исследование известного американского русиста Н. Ш. Коллманн, посвященное истории раннемодерной «Русской империи», наглядное тому подтверждение. Опираясь значительным объемом фактов и подходя к их оценке с новым вопросником, исследователь дает оригинальную и во многом неожиданную картину развития русской государственности с середины XV по начало XIX вв., подвергая при этом сомнению и критике устоявшиеся стереотипы относительно политического режима и внутреннего устройства Российского государства в рассматриваемый период, характера взаимоотношений между властью и обществом и др. Красной нитью через исследование проходит тезис о том, что никакого разрыва в политической традиции и культуре между «московским» и «петербургским» периодами истории русской государственности не было, что, несмотря на все внешние отличия, просматривается безусловный континуитет между двумя этими этапами ее эволюции.

Ключевые слова: раннее Новое время; Московское царство; Российская империя; самодержавие; экспансия; традиции; реформы; политическая культура; правовая культура

Для цитирования: Пенской В. В. От Московского царства к Российской империи: разрыв или преемственность? Новое исследование по русской истории раннего Нового времени // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2021. Т. 7. № 4. С. 153-167. DOI: 10.18413/2408-932X-2021-7-4-0-12

V. V. Penskoj

From the Moscow Tzardom to the Russian Empire: Rupture or Continuity? New research on Russian history of early Modern

Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia;
penskoj@bsu.edu.ru

Abstract. Analyzing the historical literature on early modern Russia (late 15th – late 18th centuries), it is easy to see that the tendency to revise the seemingly established assessments and interpretations, which emerged several decades ago, far from being stopped, continues to evolve. Dedicated to the history of the early modern "Russian Empire", a new study by N. Sh. Kollmann, a famous American Russian scholar, is a clear confirmation of this. Operating with a significant volume of facts and approaching their assessment with a new questionnaire, the researcher gives an original and, in many ways, unexpected picture of the development of Russian statehood from the middle 15th to the beginning of the 19th centuries. At the same time, she questions and criticizes the established stereotypes regarding the political regime and the internal structure of the Russian state in the period under review, the nature of the relationship between the government and society, etc. The thesis about the absence of a gap in political tradition and culture between the "Moscow" and "Petersburg" periods of the history of Russian statehood was not a common thread through all this research, but, despite all the external differences, an unconditional continuity can be seen between these two stages of its evolution.

Key words: Early Modern; the Moscow Tzardom; Russian empire; autocracy; expansion; traditions; reforms; political culture; legal culture

For citation: Penskoj V. V. (2021), "From the Moscow Tzardom to the Russian Empire: Rupture or Continuity? New research on Russian history of early Modern", *Research Result. Social Studies and Humanities*, 7 (4), 153-167, DOI: 10.18413/2408-932X-2021-7-4-0-12

Известный американский русист Н. Коллманн вслед за весьма любопытным и неординарным исследованием, посвященным проблемам развития уголовного права и процесса в раннемодерной России (см.: (Kollmann, 2012); русский перевод: (Коллманн, 2016)), подготовила и опубликовала новое фундаментальное исследование, посвященное проблемам развития русской государственности и общества в раннее Новое время. И, как и предыдущая работа, эта новая книга уже в самом ее заголовке несет элемент некоей провокации и вызова – для исследовательницы русское раннее Новое время заключается между 1450 и 1801 гг. Согласимся с тем, что такой подход выглядит по меньшей мере не-

обычным, поскольку в отечественной историографической традиции устоялось еще с XIX в. мнение (которое было растиражировано миллионами школьных и университетских учебников, а миллионы учебников, как известно, ошибаться не могут), что эпоха Петра Великого четко разделяет два периода в русской истории – московский и петербургский, «царский» и «имперский», «ориентализированный» и «вестернизированный». Н. Коллманн не согласна с таким подходом и на страницах своей новой работы шаг за шагом, поэтапно, доказывает существование определенного континуитета, своего рода плавного «перетекания» «московского» периода ис-

тории Русского государства в «петровский» и «постпетровский».

Мы не случайно начали эту рецензию с упоминания «Преступления и наказания...». В этом исследовании, увидевшем свет за пять лет до «Русской империи» (осмелимся перевести использованный Коллманн словооборот «Russian Empire» именно так, а не как «Российская империя»), поскольку, на наш взгляд, такой перевод лучше отражает главную идею этой новой работы), она в самых общих чертах озвучила ряд тезисов, которые затем легли в основу следующей книги. В своей рецензии на «Преступление и наказание...», (Пенской, 2017), мы уже касались основных особенностей концепции Н. Коллманн, однако здесь стоит еще раз обозначить ключевые пункты ее подхода к русской истории эпохи раннего Модерна.

Прежде всего стоит отметить, Н. Коллманн считает, что «российский опыт государственного строительства находится в широком континууме перемен, присущих раннемодерной эпохе» (Коллманн, 2016: 14-15). Помещая Русское государство раннего Нового времени в широкий исторический контекст, она приходит к выводу, что, хотя внешне Россия и выглядела как централизованная бюрократическая монархия, однако, как и в случаях с европейскими раннемодерными государствами, степень этой централизации и бюрократизации не стоит преувеличивать. «Как и в других империях раннего Нового времени, централизованная власть Москвы была больше “мифом, чем реальностью”: в качестве центра империи Москва развивала то, – писала она, – что Джейн Бербанк и Фредерик Купер назвали евразийским подходом к империи, – “политику различий”, позволявшую сообществам местного населения самим вести дела в широких сегментах социальной и политической жизни, оставляя правителям лишь ключевые пункты власти» (Коллманн, 2016: 20). Тем не менее, подытоживала исследовательница свои наблюдения, двигаясь примерно в том же направлении, что и другие

современные ей государства Европы и западной Азии (имеется в виду, конечно, Османская империя), Россия в XVI–XVIII вв. из рыхлого средневекового государства превратилась в могущественную раннемодерную империю. Этот успех стал результатом применения характерных для той эпохи стратегий управления, которые «подразумевали достижение определенного равновесия между притязаниями монарха на монополизацию насилия и ресурсов, с одной стороны, и противоположными тенденциями, исходящими из среды привилегированного дворянства, городского самоуправления, племенной верхушки, церковных организаций или народных представлений о правосудии» (Коллманн, 2016: 522).

Собственно говоря, именно этот процесс трансформации средневековой Руси в раннемодерную Россию, основанный на достижении определенного баланса интересов власти и «земли», и стал предметом анализа в новой работе Н. Коллманн. Но не только этот аспект развития раннемодерной русской государственности лег в основу этого исследования. Стоит обратить внимание на авторское предисловие. В нем Н. Коллманн с благодарностью вспоминает своих наставников – прежде всего Э. Кинана и О. Прицака, которые, по ее словам, учили ее и других учеников «евразийству», понимая под ним в первую очередь размещение русской истории в широком историческом и этнокультурном контексте. Россия во всем ее имперском разнообразии, как калейдоскоп народов, культур и языков, – такой предстает она в трудах Кинана, и этот образ нашел отражение в концепции исследования Н. Коллманн. «Я попыталась исследовать, – пишет историк, – как управляли империей и как люди ощущали это управление, будь то жители восточнославянской окраины, православного “сердца” империи или же нерусской, “инородческой” периферии» (Kollmann, 2017: VII).

Поставив такую цель, Н. Коллманн оказалась перед проблемой выбора иссле-

довательской модели, проблемой еще более сложной, если принять во внимание и большой временной охват, и не меньший охват территориальный, и постоянно меняющуюся историческую реальность, не говоря уже о попытках «опрокинуть» современные политические категории в прошлое. Выход был найден в применении концепции «империи различий», разработанной Дж. Бербанк, Ф. Купером и К. Барки. «Такие империи управляются из центра, – отмечает Н. Коллманн, – но позволяют различным языкам, национальностям и религиям подчиненных народов сохраняться на местах как своего рода якорям социальной стабильности» (Kollmann, 2017: 2). Отметим, что об этой концепции речь шла в упомянутой выше книге Н. Коллманн «Преступление и наказание в России раннего Нового времени», так что и здесь это исследование выступило своего рода «программным манифестом», в котором были намечены основные контуры будущей работы.

Структура «Русской империи» в известном смысле носит нетрадиционный характер. Основной текст исследования, включающий три основных раздела («Собирая империю», состоящий из пяти глав, «Московитская империя в XVII столетии» в семи главах и «Век империи: Россия в XVIII веке», девять глав), предваряет краткое введение, на котором стоит остановиться, поскольку здесь исследователь излагает основные принципы и идеи, на которых построено ее исследование. Последуем вслед за ней, откроем эту часть книги и посмотрим, каким историк видит общий эскиз русской имперской истории.

Введение автор «Русской империи» начинает с того, что, описав в общих словах проблемы и сложности, с которыми столкнулись русские правители, она подчеркивает, что последние совершили настоящий подвиг, «выполнив стоявшую перед ними задачу имперской экспансии, мобилизации и управления», превратившись в итоге за три с половиной столетия из небольшого «лесного форпоста» на ев-

ропейской окраине Евразии во влиятельного геополитического игрока и в Европе, и в Азии (Kollmann, 2017: 1). И далее Н. Коллманн указывает на серьезные перемены, которые произошли во взглядах на природу русского самодержавия и русской государственности в последние десятилетия, поставив под сомнение утвердившуюся традицию воспринимать политический режим раннемодерной России как восточную деспотию.

Для Н. Коллманн вполне очевиден тот факт, что Русская империя находится в ряду евразийских империй, возникших не без влияния Монгольской империи, как и империи Сефевидская, Китайская и Османская. (Тут, пожалуй, стоит отметить, что Китайская империя времен династии Мин, о которой ведет речь Н. Коллманн, все же возникает не совсем как результат крушения монгольского господства в Китае, но, скорее, как продолжение древней китайской государственной и политической традиции, которая, в свою очередь, оказала сильное воздействие на формирование и эволюцию чингизидской государственности и через нее – на все остальные упомянутые государственные образования).

Общими чертами этих империй были многоэтничность и поликультурность (включая разнообразные религиозные системы и верования). Как результат, пишет Н. Коллманн, эти раннемодерные империи через торговлю, войну и завоевание «делились военными технологиями, бюрократическими навыками ведения документации, языками, коммуникационными сетями и идеологиями, а также подходами к управлению через “различие”» (Kollmann, 2017: 2). При этом Русская империя, подчеркивает исследователь, изначально, еще с IX в., находилась в выгодном положении с геополитической и стратегической точки зрения – на пересечении важнейших торговых путей, связывавших Север и Юг, Запад и Восток, Великую Степь и оседлый мир, и на перекрестке цивилизаций и культур. В противостоянии со Степью создава-

лась русская империя, которая, отмечает Н. Коллманн, начиная с XV в., подобно другим великим евразийским империям, благодаря совершенствованию коммуникаций, бюрократии и военной машины, постепенно подчинила Степь своей власти.

Характеризуя механизмы и стратегии, посредством которых русские государи создавали свою империю, Н. Коллманн на первый план выдвигает принуждение, необходимое, по ее словам, и постоянное. Оно было необходимым на этапе завоевания новых территорий и постоянным, поскольку их нужно было удерживать под своим контролем. Однако не только принуждение, отмечает исследователь, входило в набор имперских стратегий – «ранним современным империям не хватало людских ресурсов, чтобы контролировать их (новые территории в первую очередь. – В.П.), используя единственно принуждение, поэтому они использовали и другие стратегии для утверждения своей легитимности и управления» (Kollmann, 2017: 3).

Под иными стратегиями Н. Коллманн понимает прежде всего формирование своего рода наднациональной идеологии, причем не только и не столько религиозного характера, сколько создающей имидж правящей династии, составными элементами которого являлись способность защищать империю от внешних врагов, готовность бороться с несправедливостью по отношению к подданным и являть к ним милость, что, по словам историка, «являлось центральными атрибутами имперских правителей в евразийской традиции» (Kollmann, 2017: 4). Другая стратегия, «ступицы и спицы», состояла в создании такого режима управления территориями, которая основывалась и на жестком контроле за поведением местного населения, в особенности провинциальных элит, через административные, фискальные и военные структуры, и на привлечении этих элит к управлению с сохранением за ними значительной части их прежних привилегий и свобод (Kollmann, 2017: 40). При этом наличие вертикальных каналов связи с

верховой властью и возможность апелляции непосредственно к монарху препятствовали формированию горизонтальных связей внутри имперского сообщества, которые могли бы стать опорой для оппозиции режиму (здесь напрашивается аналогия с запущенным отречением Николая II процессом распада Российской империи и распадом же СССР после фактического отказа КПСС от своей «руководящей и направляющей» роли в советском обществе и государстве. Развалилась «ступица», и «спицы» пошли вразнос).

Соглашаясь в целом с этими тезисами, мы считаем необходимым подвергнуть критике другой тезис исследователя, обозначенный во Введении. Его суть в том, что, по мнению Н. Коллманн, русская имперская модель управления, сформировавшаяся в раннее Новое время, подпитывалась из множества источников – по одной линии она создавалась под влиянием монгольской (читай «ордынской». – В.П.) политико-государственной модели, а по другой – испытывала не менее значимое влияние, после того как Русь приняла православие в 988 г., византийских (и других православных политических центров, подчеркивает Н. Коллманн, неявно принимая концепцию «Византийского содружества наций» Д. Оболенского) имперских практик (Kollmann, 2017: 4).

Дискуссия относительно того, насколько сильным было ордынское и византийское влияние на формирование характера русской государственности, идет уже третье столетие и далека от завершения. Тем не менее, осмелимся высказать свое мнение по этому поводу: признавая наличие определенных элементов взаимодействия в административной, военной, фискальной и отчасти идеологической составляющих русской государственной машины (в широком смысле слова), все же не стоит слишком сильно заострять внимание на этих частных случаях, ибо сама природа русской государственности и общества, основанных на иных, чем ордынские и византийские образцы, началах, препятство-

вала прямому копированию и переносу на русскую почву чуждых ей изначально элементов другой государственности.

Однако вернемся к введению. Завершая этот краткий методологический раздел «Русской империи», Н. Коллманн задается еще одним важным вопросом – а зачем, собственно, Россия создавала свою империю? Ее территориальное расширение было стремительно – за два столетия Россия на востоке подчинила своей власти Сибирь, вышла на берега Тихого океана и приступила к освоению Аляски, на западе прочно утвердилась на берегах Черного моря и приняла активное участие в разделах Польши. Порожденная холодной войной точка зрения, продолжает Н. Коллманн, полагала причиной этой экспансии некий мессианизм, присущий русской правящей элите, связывая его или с идеей «третьего Рима», или с византийской природой русской государственности, или с отдельными положениями марксистской теории. Однако, считает историк, такой подход в корне неверен и носит явно предвзятый характер, ибо, «когда Москва строила империи, то же делали и все ее соседи – Османская, Могольская и Сефевидская империи, а европейские государства выстраивали свои колониальные империи в Новом Свете, Южной и Юго-Восточной Азии». Больше того, подчеркивает она, «в Европе такое территориальное расширение было узаконено в религиозных терминах в XVI в., в XVII столетии к этому обоснованию экспансии добавились меркантилистские соображения, а в XVII – богатая смесь из *realpolitik* и возникающих национальных и расовых дискурсов, а улучшения в мореплавании, в военной технике, в бюрократическом контроле и фискальной мобилизации сделали его возможным» (Kollmann, 2017: 5).

Одним словом, по мнению Н. Коллманн, и с такой постановкой вопроса нельзя не согласиться, Россия не делала ничего, чего не делали ее соседи по континенту, и осуществляя экспансионистскую политику, преследовала анало-

гичные цели, то есть стремилась «получать прибыль для правителей и элиты и зарабатывать ресурсы для государственного строительства» (Kollmann, 2017: 5). Точно так же, как и ее соседи, она, мотивируя свое расширение необходимостью то борьбы с неверными, то стремлением восстановить историческую справедливость и вернуть древние вотчины, утраченные в прежние времена, то в погоне за славой (и имперским величием – этот момент хорошо заметен при анализе политической риторики Петра Великого. – *В.П.*), тем не менее, руководствовалась в первую очередь экономическими и политическими соображениями, но не идеологией.

Обращает на себя внимание еще один чрезвычайно важный, на наш взгляд, момент во Введении – Н. Коллманн мягко, осторожно критикует тенденции в современной историографии государств, возникших на постсоветском пространстве. Хотя восприятие России как деспотичной державы сегодня постепенно размывается, пишет она, однако многие исследователи не согласны с такой трактовкой и продолжают настаивать на том, что она была «унитарным» государством, управляемым из центра и отрицающим какую-либо внутреннюю политическую автономию. Национальные историографии делают акцент, продолжает историк, на принуждении со стороны имперского центра, на тех ограничениях, которые были навязаны «Русской империей» их национальным и региональным автономиям, но не на терпимости к региональным отличиям со стороны имперских властей (тем самым, отрицая советское прошлое, они де-факто соглашаются с марксистской оценкой национальной политики имперских властей, которая де превратила империю в «тюрьму народов». – *В.П.*). Однако, отмечает автор дальше, современные исследования показывают (и на этот тезис мы обращаем особое внимание. – *В.П.*), что раннемодеิร์นые государства не имели возможности контролировать территории и ситуацию в стране одной лишь силой без

привлечения на свою сторону местных элит – главными препятствиями были коммуникации и нехватка людских ресурсов. (Любопытно сравнить этот тезис с идеями, которые высказывали ранее некоторые отечественные авторы, к примеру, (Аракчеев, 2014; Бовыкин, 2012; Поскровский, 1989; Петров, 2008) и другие). Правда, заметим, что новые идеи и веяния медленно утверждаются в современном российском историческом поле, в чем не последнюю роль играет Internet – школьники и студенты, и не только они, черпая из сети информацию, прежде всего сталкиваются с «классикой», выдержанной во вполне традиционном духе.)

Россия, продолжает свою мысль Н. Коллманн, не была исключением из общего правила, ее сила и стабильность проистекали, с одной стороны, из установления и поддержания жесткого контроля над «ключевыми вопросами власти – уголовным правом, налогообложением, военной мобилизацией и обороной», а с другой стороны – из сохранения в имперских властных структурах развитых элементов местного самоуправления и внутренней автономии (Kollmann, 2017: 5-6).

Таким образом, можно сделать вывод из построений автора «Русской империи», что не только и не столько принуждение, сколько переговоры и достигнутый в результате взаимовыгодный компромисс как основа сотрудничества верховной власти и местных элит, – вот та основа, на которой строилась Россия (отметим, что эту же идею Н. Коллманн обозначила в «Преступлении и наказании» (Коллманн, 2016: 15-17)). Делать акцент на принуждении, которое, несомненно, присутствовало в числе использовавшихся русскими монархами раннего Нового времени административных стратегий, – значит делать серьезную ошибку и исказить прошлое. А вот на что стоит обратить внимание и что необходимо изучать в первую очередь, так это, по мнению Н. Коллманн, на ту гибкость, которую проявлял имперский центр в отношениях с имперской же периферией,

изменяя свою политику по отношению к ней при столкновении с новыми вызовами, на те механизмы взаимодействия верховной власти и местных, региональных элит, которые обеспечивали стабильность и устойчивость развития российского политического организма.

Охарактеризовав основные идеи, на которых строится исследование Н. Коллманн, перейдем к характеристике содержания основной его части, выделив достоинства и недостатки, которые, на наш взгляд, ей присущи. Еще раз подчеркнем несколько нетрадиционный характер структуры работы: автор не проводит одного сквозного подхода, будь то чисто хронологический или проблемный, при расположении материала. Сама Н. Коллманн пишет, что она придерживалась общего тематического подхода, отдельные проблемы при этом размещаются в общем хронологическом порядке; событийная история преднамеренно была оставлена на втором плане (Kollmann, 2017: 9).

Свое изложение Н. Коллманн начинает с краткого «Пролога», в котором рисует широкими мазками картину территориального расширения «Русской империи» со времен Ивана III по конец правления императора Павла I. Характеризуя причины, обусловившие переход московских великих князей к территориальной экспансии, исследователь отмечает, что московские государи изначально правили в условиях острой нехватки людских и финансовых ресурсов для обеспечения реализации основных государственных задач. Отсюда и двойственная политика верховной власти, которая была направлена, с одной стороны, на расширение ресурсной базы посредством захвата территорий с плодородными почвами и населением (потенциальными налогоплательщиками), обладающих «мягким золотом» (пушниной), металлами и т. п., установления контроля над коммуникациями и важными торговыми центрами (мы бы охарактеризовали этот путь как экстенсивный), а с другой – на

создание и совершенствование более или менее эффективных механизмов мобилизации этих скудных ресурсов (интенсивный путь).

XV век, по оценке исследователя, был временем расширения и укрепления контроля внутри правящей династии и над собственно Русской землей, XVI в. ознаменовался запуском процесса территориальной экспансии вовне за счет подчинения неславянских территорий с одновременной реорганизацией системы административного контроля и управления. Долгое правление Ивана IV, отмечает Н. Коллманн, сбивает с толку историков своей «ужасностью», выраженной прежде всего пресловутой «опричниной», однако, на наш взгляд (Пенской, 2015), это, по большому счету, не более чем гипноз, добровольный самообман историков и публицистов, ибо если подойти к оценке правления грозного царя, заслужившего в *нарративных* (курсив наш. – В.П.) источниках печальную славу, непредвзято, то оказывается, что именно в его эпоху, собственно говоря, и завершается процесс складывания русской государственности, запущенный Василием II и Иваном III. Стоит заметить, что исследователь указывает на характерную черту, состоящую в том, что каждый подданный великого князя был обязан или «службой» (служилый «чин»), или «тяглом» («чины» торговый и «земледельческой») (Kollmann, 2017: 10). Как здесь не вспомнить про концепцию «земско-служилого» государства, которую выдвинул Ю.Г. Алексеев! (Алексеев, 2019: 707-710).

Характеризуя ситуацию в следующем, XVII столетии, Н. Коллманн отмечает, что, хотя установившаяся по итогам Смуты новая династия Романовых стремилась поддерживать традицию, установившуюся прежде, «за фасадом традиции произошли перемены» (Kollmann, 2017: 10). Традиция сохранялась в сфере государственного управления и определяла цели внешней политики, вполне традиционно и консервативно выглядели культура и

идеология, основанные на православии, однако подспудно и в государстве, и в обществе постепенно вызревали новые явления, особенно заметные к концу столетия. Так что явление Петра I с его реформами, указывает Н. Коллманн, вовсе не было неким *deus ex machina*, а органически было связано со всем предыдущим ходом русской истории. При этом подчеркивается, что при переменах, учиненных им, основы «Русской империи» остались прежними – реформы были затеяны им ради обеспечения имперской экспансии и мобилизации ресурсов для ее осуществления при сохранении имперского же разнообразия (Kollmann, 2017: 11). Этой же генеральной линии во внешней и внутренней политики придерживались преемники Петра, и даже Павел I, продолжает Коллманн, сохранял основные направления расширения пределов Российского государства при сохранении контроля со стороны имперского центра и сочетания православия и европеизированной культуры (Kollmann, 2017: 11).

В том же духе выдержан и общий экскурс в историю русской внешней политики с XV по начало XIX вв., который дает Н. Коллманн в завершающей части «Пролога». В самом начале обзора она прямо пишет о том, что ее интересуют в этом вопросе единственно общие закономерности и тенденции (Kollmann, 2017: 11). И в качестве вывода историк подчеркивает: успешное расширение пределов Русского (Российского) государства в раннее Новое время было обеспечено, с одной стороны, упорством в мобилизации ресурсов и совершенствовании административных практик с учетом региональных особенностей, а с другой – тем, что главные конкуренты «Русской империи», империя Османская и Речь Посполитая, не сумели выдержать тонкий баланс между центром и периферией и, вступив в пору затяжного кризиса, оказались неспособны противостоять давлению соседей (Kollmann, 2017: 18).

Завершив обзор русской экспансионистской политики, Н. Коллманн первый

раздел своего исследования посвящает, по ее словам, исследованию «глубинных основ Евразии – ее топографии и климата – а также социально-экономических связей, которые со временем сформировали евразийское пространство» (Kollmann, 2017: 21). Отметим, что такой подход (своего рода географический детерминизм), присутствуя в отечественной историографии (см., например: (Кульпин, 1995; Милов, 2001) и др.), не говоря уже о западно-европейской, в которой так называемая «environmental history», зародившись в 60-е годы минувшего столетия (см., например: (Aberth, 2013; A Companion to Global Environmental History, 2012; Hoffmann, 2014; Simmons, 2008) и др.), в последние десятилетия получила особенное развитие, на наш взгляд, позволяет взглянуть на русскую историю под иным, чем прежде, углом и ответить на ряд важных вопросов, ответы на которые в рамках традиционной исследовательской парадигмы найти не представляется возможным. Но даже если отрицать сколь-нибудь существенное влияние природно-географических условий на историческое развитие России (как это делает, к примеру, Б.Н. Миронов (Миронов, 2005)), такого рода экскурс представляется весьма полезным и небезынтересным, тем более что Н. Коллманн учитывает в своих построениях не только природно-климатические условия, но еще и влияние глобальных торговых сетей на процессы государственного строительства и социально-экономического развития (здесь необходимо указать на мир-системный подход, одним из основоположников которого считается Ф. Бродель, а применительно к интересующему нас периоду подробно рассматривает И. Валлерстайн (см.: (Braudel, 1972-1973; Wallerstein, 1974)), посредством которых в Евразийском пространстве распространялись технологии (особенно военные), идеи и товары.

Исходя из этих тезисов, Н. Коллманн и рассматривает процесс территориального расширения Русского государства сперва в столетие 1450-1550 гг., когда «великое

княжество Московское обрело репутацию грозной силы, установив свой контроль над основными ресурсами и торговыми точками в важнейших областях Балтики, Волги и Черного моря» и де-факто вступив на путь превращения в полиэтничную империю (Kollmann, 2017: 53).

Следующие полтора столетия русской экспансии, которые описываются в главе под характерным названием «Сборка империи», по словам историка, «удивляют наблюдателя своей чистой энергией при почти полном отсутствии рефлексивной идеологии, описывающей имперский проект» (Kollmann, 2017: 55). «Московские правители не размышляли над тем, что они делают, – отмечает Н. Коллманн, – они просто непрерывно расширяли пределы своего государства» (Там же). В самом деле, исследователь подметил характерную особенность раннемодерного московского политического «дискурса», а именно, отсутствие этого самого «дискурса» как такового. Время для осмысления и теоретизирования по поводу накопленного опыта государственного строительства в России еще не настало, и несекуляризованное общественное сознание пока не было готово к тому, чтобы устремить свои помыслы на создание политических абстракций (это время настанет лишь в последней четверти XVII в.).

Однако отсутствие политической теории отнюдь не мешало успешной русской экспансии на юг и в особенности на восток (в меньшей степени – на запад). При этом, подчеркивает во введении к этой главе Н. Коллманн, при сохранении прежних мотивов, двигавших московскую экспансию (сугубо прагматичные мотивы: установление контроля над важными торговыми коммуникациями и центрами для получения таможенных доходов и захват материальных финансовых ресурсов) русские власти продолжали практиковать «политику различия», поддерживая региональные культуры и институты в обмен на лояльность, человеческие и финансовые ресурсы» (Kollmann, 2017: 55). Как резуль-

тат, к исходу XVII в. очертания «Русской империи» в целом сложились, равно как и основные принципы и идеи, посредством которых имперский центр управлял как коренными землями, так и имперской периферией. Характерной чертой стратегии управления, которая окончательно оформилась в эти полтора столетия, являлось то, что, подобно другим раннемоdernым империям, власти поддерживали существующие административные структуры, но не нации, которые еще не сложились. Отсюда проистекает та особенность «Русской империи», на которую обращает внимание Н. Коллманн, а именно, существенно большая нагрузка со стороны государства на русский этнос, чем на «иностранцев», которые оказывались в известном смысле в привилегированном положении по сравнению с русскими (Kollmann, 2017: 81).

Для XVIII в., отмечает Н. Коллманн в следующих главах первой части своего исследования, характерно было при сохранении общих тенденций в политике верховной власти постепенное усиление интеграции периферии в имперские структуры (судьба Гетманщины, которую подробно разбирает Н. Коллманн, яркий тому пример). «Империя различий» сохранилась, но «привязка» ее составных элементов к центру стала более прочной. Впрочем, это и не удивительно, если принять во внимание стремление русских императоров, начиная с Петра Великого, создать более или менее упорядоченное «регулярное» военно-фискальное государство, которое должно было сменить патриархальное Московское царство. В такой модернизированной и вестернизированной империи прежние вольности свободы, дарованные свыше имперским «украинам», смотрелись анахронизмом, да и не мог не сработать эффект взаимного привыкания и притирки центра и периферии. Тем не менее, подчеркивает Н. Коллманн, «даже после губернской реформы 1775 г. имперские окраины продолжали управляться по разным моделям», и даже на западных «украинах» сохраня-

лись островки «различий». Больше того, император Павел I даже сделал шаг назад по сравнению с Екатериной II, пойдя на определенные уступки польско-литовской шляхте и остзейскому дворянству, вернув им ряд прежних привилегий, отмененных в предыдущее царствование (Kollmann, 2017: 125).

Рассмотрев в общих чертах ход развития «Русской империи» в раннее Новое время, Н. Коллманн затем, во втором и третьем разделах, подробнее касается проблем, связанных с развитием русской государственности соответственно в XVII и XVIII вв. Здесь она изменяет угол зрения, под которым рассматривает историю, выводя на первый план ключевые вопросы. Первый вопрос, с которого Н. Коллманн начинает вторую часть исследования, касается необычной и нетрадиционной для отечественной историографии проблемы репрезентации и легитимации верховной власти – лишь в последние десятилетия эта проблема стала предметом внимания российских историков (см., напр.: (Михайлова, 2010)). В первой главе второй части историк развивает идеи, которые были обозначены ею в уже упоминавшемся «Преступлении и наказании». Эта глава представляет, на наш взгляд, особый интерес, поскольку поднимает вопросы, недостаточно изученные в российской исторической науке, и к тому же дает неординарный ответ на вопрос о пределах царской власти в допетровской России. Стоит, пожалуй, привести ряд цитат, которые наглядно демонстрируют, какова позиция Н. Коллманн в этом вопросе, столь дискуссионном и болезненном, и не только для российского общества.

Итак, что же пишет по этому поводу историк? Прежде всего вот что: «Идеальный образ политики в Московии, воплощенный в искусстве, ритуале, архитектуре и политической практике, не предполагал политики как института, но как практику и отношения между, с одной стороны, правителем и народом, а с другой, между правителем и элитой» ((Kollmann, 2017: 154);

сп: (Кром, 2005)). «Политика» в допетровской России отнюдь не являлась политикой в современном смысле этого слова и уж совершенно точно не артикулировалась и не рефлексировалась так, как это делается сегодня. Однако эта ее кажущаяся архаичность и традиционность, тем не менее, не мешала ей эффективно выполнять свои функции, поскольку она основывалась на ряде базовых принципов, одинаково пригодных для управления разнородными частями «Русской империи». Эти принципы, указывает Н. Коллманн, могут быть выражены в следующих тезисах (на которые, по нашему мнению, стоит обратить особое внимание).

Во-первых, отмечает Н. Коллманн, хотя чисто теоретически власть правителя считалась неограниченной, подобно власти отца в семье, однако на практике она была умеренной, ибо государь, «подобно отцу-патриарху, должен был быть строгим, но сдерживаемым благочестием и чувством христианской доброты, справедливым, милосердным и прощающим» (Kollmann, 2017: 154). Личным примером он вел свой народ к спасению и, что самое важное, не формализованные институты и отношения удерживали государя от злоупотреблений и поддерживали политическую систему в равновесии, но традиция и обычай. Здесь кстати снова вспомнить концепцию Ю.Г. Алексева, который указывал на неформализованные патернализм и патриархальность, освященные авторитетом церкви, в отношениях между государями и их народом как на отличительную черту политического устройства Русского государства в раннее Новое время (Алексеев, 2019: 707-708).

Во-вторых, Н. Коллманн подчеркивает гибкость идеологии, позволявшей в равной степени рассчитывать на справедливость, защиту и милосердие со стороны государя всем этническим и религиозным группам, проживающим на территории империи (Kollmann, 2017: 154).

В-третьих, хотя московская политическая реальность и не вполне соответ-

ствовала политическому идеалу, однако, как справедливо указывает Н. Коллманн, этот идеал оказывал определяющее воздействие на реальность и повседневные практики. Организованный на сложном переплетении неформальных отношений патронажа, родства, брачных и семейно-клановых связей, политический мир «Русской империи», пишет историк, поддерживался сотрудничеством и консенсусом между государем и элитами, а низы могли рассчитывать на государскую милость, подавая челобитные в суд или же лично государю (Kollmann, 2017: 154-155).

И последнее, на наш взгляд, едва ли не самое важное: Н. Коллманн подвергает жесткой критике утвердившиеся и в историческом сообществе, и в общественном сознании восприятие власти московских государей как «деспотической». Московские великие князья и государи обладали неограниченной властью лишь на словах; на деле же, отмечает Н. Коллманн, их власть была существенно ограничена «имперским воображаемым», то есть ожиданиями общества, которое соглашалось признавать власть монарха при условии, что он будет соответствовать образу идеального государя. «Православные правители, московские цари должны были быть благочестивыми, покровительствовать вере и защищать свое царство, поддерживать справедливость и, возможно, самое главное, защищать свой народ от зла» (Kollmann, 2017: 155), – указывает исследователь на эту особенность московской политической культуры. В противном случае общество, «земля» могли отказать государю в повиновении и, как это неоднократно повторялось в годы Смуты, выступить против него с оружием в руках. Конечно, продолжает развивать дальше свой тезис историк, московские государи могли и применяли силу, не останавливались перед использованием насилия, когда это было необходимо, однако эти действия воспринимались обществом как должное, если правитель соблюдал ритуал и гарантировал справедливость и правосудие. В

этом отношении Россия допетровского времени мало чем отличалась от аналогичных «деспотий», подобных китайской или османской, где неограниченная на словах власть императора или султана на деле ограничивалась традицией, формализованной или же поддерживавшейся в форме «имперского воображаемого».

Принимая этот тезис и поддерживая его, мы все же не согласимся с мнением исследователя, который, указывая на то обстоятельство, что раннемодерные государства нуждались в поддержке элиты, подчеркивает при этом, что для Московии это было особенно актуально, поскольку здесь не образовалась сложная социальная структура (Kollmann, 2017: 136). Безусловно, в допетровской России не сложились сословия, подобные тем, что будто бы существовали в Западной Европе¹. Однако полагать, что московское общество было в плане социальной структурированности примитивным и архаичным, было бы в корне неверно. Больше того, в известном смысле «сословия» в России («чины» «освященный, служилый, торговый и земледельческий») обрели законченную форму даже раньше, чем на Западе. Осторожно предположим, что именно эта система «чинов» в рамках традиционного московского «политикума» играла (наряду с церковью и аристократией) роль ограничителя власти монарха.

Последующие главы «Русской империи» рассматривают «власть кнута, армии и бюрократии» – эволюцию имперских административных практик, экономических, социальных, идеологических и культурных структур на протяжении XVII и XVIII вв., продолжая развивать тезисы, которые были заявлены в более ранних работах автора, в том же «Преступлении и наказании...» или в «Соединенных честию...» (Kollmann, 1999; Коллманн, 2001).

¹ М.А. Бойцов вполне резонно предположил несколько лет назад, что средневековые «сословия» суть теоретические конструкты, порожденные сознанием средневековых юристов. – См.: (Бойцов, 2014).

Не вдаваясь в подробности, поскольку текст основан на хорошо известных фактах, отметим самое, на наш взгляд, главное, а именно – несмотря на все серьезные перемены, имевшие место в XVIII в., основы «Русской империи», по мнению Н. Коллманн, оставались теми же, какими они сложились в предыдущие два столетия ее развития. И в конце XVIII в. «Русская империя», по словам историка, «все еще характеризовалась значительными региональными различиями в административной структуре, праве и в административных учреждениях». При этом, подчеркивает она, власть на протяжении XVIII века «поддерживала баланс между терпимостью к различиям в местных сообществах и сохранением централизованного контроля». Сами же российские императоры в своей политике следовали заложенным еще в московский период традициям управления – «правили самодержавно: приветствовали советы, взращивали свою элиту, определяли закон, но никогда не уступали свой суверенитет, никогда не утверждали конституционные институты и не передавали право на фискальную, законодательную или исполнительную власть» (Kollmann, 2017: 292-293, 313, 314). Согласитесь, вывод более чем неожиданный и парадоксальный, противоречащий тому, что мы привыкли читать и слышать со времен школьной скамьи. И возразить Н. Коллманн в этом ее утверждении сложно, ибо она подводит основательную доказательную базу, приводя массу фактов.

Общий вывод: книга адресована, конечно, прежде всего англоязычному читателю, причем читателю относительно неплохо подготовленному, который в общих чертах представляет себе историю России раннего Нового времени, перед которым автор исследования рисует нетрадиционную картину формирования и эволюции «Русской империи». Однако, вне всякого сомнения, эта работа, несмотря на некоторые дискуссионные моменты, будет весьма полезна (особенно в том случае, если перевод и публикация на русском языке будут

сделаны так же быстро, как переводное издание «Преступления и наказания») и для отечественного любителя истории и, конечно же, российского исторического сообщества.

Литература

Алексеев, Ю.Г. Судебник Ивана III: традиции и реформа // Алексеев Ю.Г. Государство и право эпохи формирования Российского государства (XIV–XV вв.). СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2019. С. 312-711.

Аракчеев, В.А. Власть и «земля» Правительственная политика в отношении тяглых сословий в России второй половины XVI – начала XVII века. М.: Древлехранилище, 2014. 512 с.

Бовыкин, В.В. Местное самоуправление в Русском государстве XVI в. СПб.: Дмитрий Буланин, 2012. 421 с.

Бойцов, М.А. Сословно-представительная монархия: ошибка в переводе? // Средние века. 2014. Т. 75. № 3-4. С. 66-78.

Коллманн, Н.Ш. Преступление и наказание в России раннего Нового времени / пер. с англ. П.И. Прудовского и др. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 610 с.

Коллманн, Н.Ш. Соединенные честью. Государство и общество в России раннего нового времени / пер. с англ. А.Б. Каменский. М.: Древлехранилище, 2001. 461 с.

Кром, М.М. К пониманию московской «политики» XVI в.: дискурс и практика российской позднесредневековой монархии // Одиссей: Человек в истории. 2005. Время и пространство праздника. М.: Наука, 2005. С. 283-303.

Кульпин, Э.С. Путь России. Кн. 1: Первый социально-экологический кризис. М.: Московский лицей, 1995. 199 с.

Милов, Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М.: Росспэн, 2001. 572 с.

Миронов, Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII-начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства: В 2 т. Т. 1: СПб.: «Дмитрий Буланин», 2003. 548 с.

Михайлова, И.Б. И здесь сошлись все царства... Очерки по истории государева двора в России XVI в.: повседневная и праздни-

чая культура, семантика этикета и обрядности. СПб.: Дмитрий Буланин, 2010. 647 с.

Пенской, В.В. «Нормализация» ранне-модерной русской истории // Valla. An Interdisciplinary Journal of European Studies = Интегрированный историко-филологический журнал европейских исследований. 2017. Т. 3. № 1. С. 100-111

Пенской, В.В. Святой или “Erbfeind gantzer christenheit”? Иван Грозный и его эпоха: образ и реальность // Научный результат. Сер. Социальные и гуманитарные исследования. 2015. № 3(5). С. 110-125.

Петров, К.В. Имел ли Судебник 1497 г. значение закона в его современном понимании? (По поводу статьи С.Н. Кистерева «Великокняжеский Судебник 1497 г. и судебная практика первой половины XVI в.») // Очерки феодальной России. Вып. 12. М.-СПб.: Альянс-Архео, 2008. С. 365-382.

Покровский, Н.Н. Томск, 1648-1649 гг. Воеводская власть и земские миры / отв. ред. В.А. Александров; АН СССР, Сиб. отд-ние, Ин-т истории, филологии и философии. Новосибирск: Наука: Сиб. отд-ние, 1989. 388 с.

A Companion to Global Environmental History / Ed. by J.R. McNeill and E.S. Mauldin. Chichester, Wiley-Blackwell, 2012. 544 p.

Aberth, J. An Environmental History of the Middle Ages. The Crucible of Nature. London and New York: Routledge, 2013. 326 p.

Braudel, F. The Mediterranean and the Mediterranean World in the Age of Philip II. Vols. I-II. London: Harper & Row, 1972-1973. 1375 p.

Hoffmann, R. An Environmental History of Medieval Europe. Cambridge, Cambridge University Press, 2014. 409 p.

Kollmann, N.Sh. By Honor Bound: State and Society in Early Modern Russia. Ithaka & London: Cornell University Press, 1999. XIII+296 p.

Kollmann, N.Sh. Crime and punishment in early modern Russia. N.-Y.: Cambridge University Press, 2012. XVI, 488 p.

Kollmann, N.Sh. The Russian Empire, 1450 – 1801. N.-Y.: Oxford University Press, 2017. XIV, 497 p.

Simmons, I.G. Global Environmental History 10000 b.c. to a.d. 2000. Edinburg: Edinburg University Press, 2008. 271 p.

Wallerstein, Immanuel. The Modern World-System I. Capitalist Agriculture and the Origins of the European World-Economy in the

Sixteenth Century. New York-San Francisco-London, 1974. 410 p.

References

A *Companion to Global Environmental History* (2012), in McNeill, J. R. and Mauldin, E. S. (ed.), Wiley-Blackwell, Chichester, UK.

Aberth, J. (2013), *An Environmental History of the Middle Ages. The Crucible of Nature*, Routledge, London and New York.

Alekseev, Yu. G. (2019), "Judicial Code of Ivan the Third. Tradition and reform", *Gosudarstvo i pravo epokhi formirovaniya Rossiyskogo gosudarstva (XIV – XV vekov)* [State and law of the era of the formation of the Russian state (14th – 15th centuries)], Oleg Abyshko Press, Saint Petersburg, Russia, 312-711 (in Russ.).

Arakcheev, V. A. (2014), *Vlast` i "zemlya" Pravitelstvennaya politika v otnoshenii tyaglykh sosloviy v Rossii vtoroy poloviny XVI – nachala XVII veka* [Power and "land" Government policy in relation to the taxable estates in Russia in the second half of the 16th – early 17th centuries], Drevlekhranilishhe, Moscow, Russia (in Russ.).

Bovykin, V. V. (2012), *Mestnoe samopravlenie v Russkom gosudarstve XVI veka* [Local self-government in the Russian state of the 16th century] Dmitriy Bulanin Press, Saint Petersburg, Russia, 312-711 (in Russ.).

Boytsov, M. A. (2014), "Estates-Representative Monarchy: Error in Translation?", *Srednie veka. Studies on Medieval and Early Modern History*, 75 (3-4), Moscow, Russia, 66-78 (in Russ.).

Braudel, F. (1972-1973), *The Mediterranean and the Mediterranean World in the Age of Philip II*. vols. 1-2, Harper & Row, London, UK.

Hoffmann, R. (2014), *An Environmental History of Medieval Europe*, Cambridge University Press, Cambridge, UK.

Kollmann, N. Sh. (1999), *By Honor Bound: State and Society in Early Modern Russia*, Cornell University Press, Ithaca & London.

Kollmann, N. Sh. (2012), *Crime and punishment in early modern Russia*, Cambridge University Press, N.-Y.

Kollmann, N. Sh. (2016), *Prestuplenie i nakazanie v Rossii rannego Novogo vremeni* [Crime and punishment in early modern Russia], Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, Russia (in Russ.).

Kollmann, N. Sh. (2001), *Soedinennye chest`yu. Gosudarstvo i obshchestvo v Rossii rannego novogo vremeni* [By Honor Bound: State

and Society in Early Modern Russia], Drevlekhranilishhe, Moscow, Russia (in Russ.).

Kollmann, N.Sh. (2017), *The Russian Empire, 1450–1801*, Oxford University Press, N.-Y.

Krom, M. M. (2006), "Sovereign of All Russia", *Odissey: Chelovek v istorii. 2005. Vremya i prostranstvo prazdnika* [Odysseus: A man in History. 2005. Time and space of the holiday], Nauka, Moscow, Russia, 283-303 (in Russ.).

Kulpin, E. S. (1995), *Put` Rossii* [The way of Russia], book 1, Moskovskiy licey, Moscow, Russia, (in Russ.).

Milov, L. V. (2001), *Velikorusskiy pakhar` i osobennosti rossiyskogo istoricheskogo protsessa* [The Great Russian Plowman and the Peculiarities of the Russian Historical Process], ROSSPEN, Moscow, Russia, (in Russ.).

Mironov, B. N. (2003), *Sotsial'naya istoriya Rossii* [Social history of Russia], vol. 1, Dmitriy Bulanin Press, Saint Petersburg, Russia (in Russ.).

Mikhailova, I. B. (2010), *I zdes` soshlis` vse tsarstva... Ocherki po istorii gosudareva dvora v Rossii XVI veka: povsednevnyaya i prazdnichnaya kul`tura, semantika etiketa i obryadnosti* [And here all the kingdoms converged ... Essays on the history of the sovereign's court in Russia in the 16th century: everyday and festive culture, semantics of etiquette and rituals], Dmitriy Bulanin Press, St. Petersburg, Russia (in Russ.).

Penskoy, V. V. (2017), "'Normalization" of early modern Russian history", *Valla. An Interdisciplinary Journal of European Studies = Integrirovannyy istoriko-filologicheskiy zhurnal evropeyskikh issledovaniy* [Valla. An Interdisciplinary Journal of European Studies = Integrated Historical and Philological Journal of European Studies], 3 (1), 100-111 (in Russ.).

Penskoy, V. V. (2015), "Saint or "Erbfeind gantzer christenheit"? Ivan the Terrible and his era: image and reality", *Research Result. Social Studies and Humanities*, 3 (5), 110-125 (in Russ.).

Petrov, K. V. (2008), "Did Sudebnik in 1497 have the meaning of law in its modern sense? (Concerning the article by S. N. Kisterev "The Grand Duke's Judicial Code of 1497 and Judicial Practice of the First Half of the 16th Century")", *Ocherki feodalnoy Rossii* [Essays on feudal Russia], 12, Al'yans-Arkheo, Moscow-St. Petersburg, 365-382 (in Russ.).

Pokrovskiy, N. N. (1989), *Tomsk, 1648-1649 gg. Voevodskaya vlast` i zemskie miry* [Tomsk, 1648-1649. Voivodship and zemstvo worlds], Nauka, Novosibirsk, Russia (in Russ.).

Simmons, I. G. (2008) *Global Environmental History 10000 b.c. to a.d. 2000*, Edinburg University Press, Edinburg, UK.

Wallerstein, I. (1974), *The Modern World-System I. Capitalist Agriculture and the Origins of the European World-Economy in the Sixteenth Century*, New York - San Francisco - London.

Конфликты интересов: у автора нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the author has no conflict of interest to declare.

ОБ АВТОРЕ:

Пенской Виталий Викторович, доктор исторических наук, профессор кафедры российской истории и документоведения, историко-филологический факультет педагогического института, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, д. 85, г. Белгород, 308015, Россия; penskoy@bsu.edu.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Vitaly V. Penskoy, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Russian History and Documentation, Historical and Philological Faculty, Pedagogical Institute, Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia; penskoy@bsu.edu.ru